

© 2011 г.

В.О. ПЕЧАТНОВ

**ПЕРЕПИСКА И.В. СТАЛИНА С У. ЧЕРЧИЛЛЕМ ОСЕНЬЮ
1941 года (по новым документам российских и британских архивов)**

Известная переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем только начинает углублённо изучаться историками. Новые документы российских и британских архивов делают возможным восстановить обстоятельства создания и получения этих посланий, а также показать скрытый от внешнего взгляда подтекст этой переписки. Особый интерес представляет ее начальный этап – осень 1941 г., когда на фоне трагических событий на советско-германском фронте происходило трудное становление советско-английского союза и личных отношений между двумя лидерами.

* * *

26 августа 1941 г. советский посол в Великобритании И.М. Майский имел обстоятельную беседу с министром иностранных дел А. Иденом, в которой откровенно и убедительно изложил “недоумение и разочарование” советского правительства и народа позицией Англии – отказом открыть второй фронт, мизерной помощью вооружениями, отсутствием внятной общей стратегии борьбы с Германией. В ответ на оправдания Идена, говорившего об английских бомбардировках германской территории, планах военных действий в Ливии и т.п., Майский заявил: “Мало щипать бешеного зверя за хвост, надо бить его дубиной по голове”¹. 30 августа Сталин ответил на отчёт Майского об этой беседе личной телеграммой, начинавшейся словами: “Ваша беседа с Иденом о стратегии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что вы так хорошо уловили эти настроения”. Далее Сталин поделился соображениями политического характера: цель Гитлера – бить противников поодиночке, англичане своей пассивностью играют ему на руку, стремясь, видимо, к ослаблению СССР. В таком случае надо быть с ними очень осторожными. Телеграмма заканчивалась описанием критического положения на советско-германском фронте. “Если англичане не расшевелятся в ближайшее время, – заключал Сталин, – наше положение станет угрожающим. Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что, если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три – четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело.

Печатнов Владимир Олегович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, Заслуженный деятель науки РФ.

В основе публикации положены материалы готовящегося к печати нового расширенного издания “Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны”, снабженного подробным научным комментарием.

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945, т. 1. М., 1983, с. 106.

Минимое посвящение премьеру Ста-
лина премьеру г-ну Черчиллю.

Тригоному благодарюся за объ-
яснение краше обещанная рабстве
200 самолетов истребителей против
Советскому стору еще 200 истре-
бителей. Не сомневайтесь, это со-
веренным летчиком удастся со-
воить их и пусить в дело.

2. Дашими одним самолетом, это
три самолета, абороты как видно
могут быть пущены в дело и скры-
т не сразу, а в разное время и
отдельными группами, не смо-
гут всееди серосредно прасекшим
на всеерогном фронте. Они не
смогут всееди веревкой прасекшим

Это печально, но это может стать фактом”². Видно, что Верховный и в самом деле был настроен “угрюмо” (как отметил про себя Майский), ибо вряд ли он стал бы сгущать краски для своих. Хотя Сталин впервые поставил перед Черчиллем вопрос о втором фронте ещё в июле³, резко ухудшение ситуации на фронте придавало этому варианту императивный характер. В ответных рекомендациях Майский писал, что хотя надежд на открытие второго фронта немного и “расшевелить” англичан скорее всего можно по части снабжения, тем не менее есть смысл снова поставить этот вопрос перед Лондоном, не скрывая критичности положения на фронте: “Черчилль и другие должны же, в конце концов, понимать, что если СССР выйдет из игры, Британская империя кончена”. Посол предлагал осуществить этот демарш либо через него, либо прямым обращением Сталина к Черчиллю⁴.

Сталин отреагировал незамедлительно. Весь текст его послания Черчиллю от 3 сентября написан им собственноручно простым карандашом на вырванных из карманного блокнота листах бумаги (см. факсимиле). Передавая его для зашифровки, Сталин сделал от руки следующую приписку синим карандашом: “Лондон, совпослу Майскому. Передается Вам текст моего личного послания Черчиллю (так в тексте. – В.П.). Прошу перевести и передать Черчиллю. Вашу шифровку получил и решил, что можно использовать оба рекомендованных вами варианта – письменное воздействие путем личного послания и воздействие через Вас путем устных объяснений”. Сталин, как видно, последовал совету Майского и, зная его способности, фактически поручил тому усилить звучание своего послания устным “воздействием” на Черчилля. Само послание по содержанию было очень близко к содержанию его телеграммы Майскому от 30 августа. Текст телеграммы с посланием завершился еще одной припиской Сталина: “Получение

² Там же, с. 109; *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, в 2-х кн. Кн. 2, ч. 2. 22 июня 1941–1943 год. М., 2009, с. 37–39.

³ *Ситолс В.Я.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945. М., 2000, с. 42–44.

⁴ *Майский И.М.* Указ. соч., с. 38–39.

подтвердите. Результаты беседы с Черчиллем немедленно сообщите”⁵. Судя по отметкам на документе, послание было перепечатано и зашифровано в большой спешке (за полтора с небольшим часа) и отправлено “вне очереди” в 22.00 3 сентября. “Моё предложение принято, – с удовлетворением записал в своем дневнике Майский. – Сегодня утром я получил текст личного послания Сталина премьеру. Твердый, ясный, беспощадный язык. Никаких иллюзий, никакой розовой водицы. Факты, как они есть. Опасности, как они угрожают”⁶.

Сталин – Черчиллю 3 сентября 1941 г.⁷

“Приношу благодарность за обещание, кроме обещанных раньше 200 самолетов – истребителей, продать Советскому Союзу еще 200 истребителей. Не сомневаюсь, что советским летчикам удастся освоить их и пустить в дело.

Должен, однако, сказать, что эти самолеты, которые, как видно, могут быть пущены в дело не скоро и не сразу, а в разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте. Они не смогут внести серьезных изменений не только вследствие больших масштабов войны, требующих непрерывной подачи большого количества самолетов, но главным образом потому, что за последние три недели положение советских войск значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград.

Дело в том, что относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на восточный фронт свежих 30–34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда.

Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днепре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения (в первоначальной версии – “спасения нашего общего дела” – *В.П.*): создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30 – 40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с.г. и *ежемесячную* минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 255, л. 76 – 78.

⁶ *Майский И.М.* Указ. соч., с. 40.

⁷ Здесь и далее сохранена датировка посланий, принятая в официальном издании “Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.” (далее – Переписка Председателя Совета Министров СССР), т. 1 – 2. М., 1957.

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом.

Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной”⁸.

4 сентября 1941 г. послание было вручено А.Я. Вышинским послу Великобритании в СССР С. Криппсу, который (как сообщил Вышинский Майскому), ознакомившись с документом, решил немедленно отправиться в Англию, “чтобы личным воздействием обеспечить осуществление мероприятий, указанных в послании тов. Сталина”⁹. Препровождая послание в Лондон, Криппс призвал свое правительство отнестись к нему “с величайшей серьезностью” и оказать Советскому Союзу “большую и немедленную помощь”¹⁰. В Лондоне послание Сталина поздним вечером 4 сентября было передано Майским на экстренной встрече посла с Черчиллем и Иденом. “Русские находятся в очень тяжелой ситуации как на фронте, так и в отношении поставок, – резюмировал в дневнике личный секретарь Черчилля Дж. Колвилл. – Переходя прямо к делу, Сталин поднял фундаментальные вопросы”¹¹. Иден в своих мемуарах назвал этот документ “криком о помощи”¹². И, действительно, это было, пожалуй, самое откровенное и тревожное обращение советского лидера к своему главному союзнику в критический для СССР период войны.

Хорошо понимая значение этого “решающего, исторического момента”¹³, Майский напрягал все свое красноречие и энергию для убеждения собеседников в необходимости оказания экстренной помощи Советскому Союзу. В частности, он привёл исторический пример подвига армии Самсонова в Восточной Пруссии, которая ценой своей гибели спасла Париж в 1914 г. Посол, заметил в английской записи этой беседы Иден, “с огромной убежденностью подчеркнул критичность ситуации... Если Советская Россия будет разбита, добавил он (Майский. – *В.П.*), то как мы можем надеяться победить в этой войне?”¹⁴. Тем не менее Черчилль сразу же заявил Майскому о невозможности как открытия второго фронта в Европе, так и оказания серьезной помощи вооружениями до конца 1941 г.: «В течение ближайших 6–7 недель, – “с полуушмешкой” резюмировал он, согласно записи Майского, – вам может помочь только Бог, в которого вы не верите»¹⁵. Около полуночи, после ухода Майского, к Черчиллю и Идену присоединился глава имперского Генштаба генерал Дж. Дилл, который также категорически отверг идею высадки в Европе. “Все наши генералы, – писал премьер Криппсу на следующий день, – убеждены в том, что единственным результатом было бы кровопролитное отбрасывание наших войск в море или в лучшем случае эвакуация небольших плацдармов в течение нескольких дней... Мне хорошо понятны чувства, которые Вы испытываете, наблюдая агонию России вблизи, но ни сочувствие, ни другие эмоции не могут перевесить стоящих перед нами фактов”¹⁶. Черчилль подчеркнул, что посылает эту телеграмму Криппсу “как

⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 18–20.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2488, л. 54.

¹⁰ National Archives, Kew, Richmond, Public Records Office (далее – PRO), Foreign Office (далее – FO) 371/29490.

¹¹ Colville J. The Fringes of Power. Downing Street Diaries, 1939 – 1955. London, 2004, p. 381.

¹² The Memoirs of Anthony Eden. The Reckoning (далее – The Reckoning). Boston, 1965, p. 318.

¹³ Майский И.М. Указ. соч., с. 40.

¹⁴ PRO, Prime Minister’s Office (далее – PREM) 3/403/6.

¹⁵ Майский И.М. Указ. соч., с. 43.

¹⁶ PRO, PREM 3/403/6. Сокращенный вариант этой телеграммы Черчилль приводит в своих мемуарах: Churchill W. The Second World War. V. III. The Grand Alliance. London, 1950, p. 409–410.

ориентировку только для Вашего сведения” и параллельно направляет свой ответ Сталину. Позднее послу было приказано оставаться в Москве.

Большую часть дня 5 сентября Черчилль был занят подготовкой этого ответа, отменив намеченную ранее поездку по стране. Его вдохновляло ощущение причастности к великим событиям: “Я вновь ощущаю биение пульса мира”, поделился он с помощником¹⁷. Утром под председательством Идена состоялось заседание Комитета начальников штабов (КНШ), на которое по предложению Черчилля был приглашен и Майский с руководителями советской военной миссии в Великобритании с тем, чтобы они лично убедились в стратегической обоснованности британской позиции. Английские военачальники изложили весь набор аргументов против отвлекающей высадки в Европе. “Чувствовалось, что начальники штабов просто загипнотизированы мощью германской военной машины и совершенно лишены духа инициативы и смелости”, – записал в дневнике Майский¹⁸.

Черчилль тем временем подготовил ответ Сталину, передав проект на рассмотрение кабинета. Сталин, сказал он, “заслуживает правды и способен смотреть фактам в лицо”, тогда как Криппс в своих эмоциональных депешах их игнорирует. Министры сразу же исключили отвлекающую операцию в Европе и обсуждали только оказание материальной помощи Советскому Союзу. Проект ответа премьер-министра, обходивший вопросы поставок, был сочтен слишком негативным¹⁹. Иден, министр снабжения У. Бивербрук и КНШ представили по нему для Черчилля подробное заключение, преамбула которого гласила: “Налицо зловещие признаки того, что Россия разваливается. Это историческая телеграмма, возможно – самая важная из тех, которые Вы когда-либо направляли главе иностранного государства. Министры и КНШ считают, что на этой критической стадии войны вся телеграмма должна быть ободряющей по своему тону за счет упора на дух товарищества, готовность разделить бремя и подъем общего настроения; негативную и удручающую информацию следует по возможности исключить”. Подбодрить русских было необходимо и для предотвращения их сепаратного мира с Гитлером, о чём также с опаской говорилось на заседании кабинета и в послании Черчилля президенту США Ф. Рузвельту от 5 сентября²⁰. Для “подъема настроения” в Кремле предлагалось подкорректировать некоторые пессимистические формулировки премьера и добавить следующие положения: 1) “уже не первую неделю мы рассматриваем все возможные средства помощи России и готовы пойти на большие жертвы, если это сможет отвлечь германские силы с русского фронта”; 2) по вопросу о поставках предлагалось подчеркнуть, что “мы понимаем нужды русских и готовы на большие жертвы, чтобы им помочь”, а также добавить упоминание о 400 вагонах, готовых к отправке в Россию; 3) ответ на советское предложение о совместных военных действиях “следует сформулировать более позитивно”, подчеркнув готовность англичан к “совместному планированию” и оказанию (“хотя и не сразу”) военной помощи на Крайнем Севере²¹. Все эти предложения были учтены Черчиллем в окончательном варианте ответа Сталину. Премьер был явно доволен итогами “русского дня” на Уайт-холле. «Чтобы отметить это дело, Уинстон настоял на ужине в ресторане и повел Макса (Бивербрука. – В.П.) и меня в “Риц”, – отметил в дневнике Иден. – Прекрасный обед, устрицы, дичь, прочая снедь и хорошая беседа. Уинстон в ударе»²².

Черчилль – Сталину 6 сентября 1941 г.

“1. Я сразу же отвечаю в духе Вашего послания. Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы

¹⁷ Gilbert M. The Churchill War Papers. V. III. The Ever-Widening War 1941. London, 2000, p. 1169.

¹⁸ Майский И.М. Указ. соч., с. 45–46.

¹⁹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. London, 1971, p. 405.

²⁰ Roosevelt & Churchill: The Complete Correspondence, v. I. New York, 1984, p. 238.

²¹ PRO, PREM 3/403/6.

²² The Reckoning, p. 320.

отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции. Я хочу, если Ваше Превосходительство того пожелает, изложить Вам все те основания, которые привели начальников штабов к такому заключению. Эти основания уже были обсуждены сегодня с Вашим Послом на особом совещании, в котором приняли участие я и начальники штабов. Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, – как бы похвальны ни были ее мотивы – может быть полезна только Гитлеру.

2. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, создает у меня впечатление, что германское вторжение уже миновало высшую точку своего напряжения, ибо зима принесет Вашим героическим армиям передышку (это, однако, мое личное мнение).

3. По вопросу о снабжении. Мы прекрасно сознаем тяжелые потери, понесенные русской промышленностью, и приложим все усилия к тому, чтобы Вам помочь. Я телеграфирую Президенту Рузвельту с целью ускорить прибытие сюда, в Лондон, миссии Гарримана, и мы попытаемся еще до Московской конференции сообщить Вам о количестве самолетов и танков, которые мы совместно обещаем Вам посылать ежемесячно вместе с поставками резины, алюминия, сукна и прочего. Со своей стороны мы готовы посылать Вам из британской продукции половину того ежемесячного количества самолетов и танков, которые Вы просите. Мы надеемся, что США будут удовлетворять вторую половину Ваших потребностей. Мы приложим все усилия к тому, чтобы начать Вам отправку снабжения немедленно.

4. Мы уже отдали приказы о снабжении персидской железной дороги подвижным составом, с тем, чтобы поднять ее нынешнюю пропускную способность с двух поездов в каждую сторону в сутки до ее полной пропускной способности, а именно до 12 поездов в каждую сторону в сутки. Это будет достигнуто к весне 1942 года, до какового срока пропускная способность будет постепенно увеличиваться. Паровозы и вагоны из Англии будут посылаться вокруг мыса Доброй Надежды после переоборудования их на нефтяное топливо. Вдоль железной дороги будет развита система водоснабжения. Первые 48 паровозов и 400 вагонов вот-вот должны быть отправлены.

5. Мы готовы выработать с Вами совместные планы. Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть. По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 года. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться в фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею по крайней мере честного нейтралитета. Тем временем мы будем продолжать бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой, будем также держать моря открытыми и бороться за свою жизнь.

6. В первом абзаце Вашего послания Вы употребили слово “продать”. Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате. Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе-аренде, то есть без формальных денежных расчетов. Мы охотно готовы оказать в полную меру наших сил всяческое давление на Финляндию, включая немедленное официальное уведомление ее, что мы объявим ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ. Мы просим также США предпринять все возможные шаги, чтобы повлиять на Финляндию”²³.

Направляя Сталину ответ Черчилля, Майский телеграфировал: “Создание сейчас второго фронта во Франции или на Балканах он (Черчилль. – В.П.) отклоняет, но по вопросу снабжения идет несколько навстречу”²⁴. 7 сентября – на следующий день после получения ответа Черчилля – Сталин принял Криппса, которому было важно выяснить

²³ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 20–21.

²⁴ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2486, л. 158.

реакцию на него хозяина Кремля. Со своей стороны Сталин, зная о планируемом отъезде Криппса в Лондон, решил принять его для напутственного внушения. “Я нашел Сталина очень подавленным и усталым, – докладывал посол в срочной депеше, – он вернулся к прежней подозрительности и недоверию, которые в последнее время было пошли на убыль”. (Сталин, похоже, все-таки надеялся получить более позитивный ответ от Черчилля.) Криппс попытался выяснить, что скрывается за формулировкой “поражение России” из сталинского послания от 3 сентября – может быть, сепаратный мир с немцами? “Нет”, твердо ответил Сталин и впервые откровенно пояснил, из каких слагаемых может сложиться такое поражение. «Если придется уступить Донецкий бассейн с его углем и металлургией, а также Москву и Ленинград с их машиностроением, что, по его словам, “не исключено”, это будет означать потерю двух третей производственных мощностей для обеспечения фронта. Без опоры на машиностроение армия не сможет долго воевать. У Германии есть заводы Круппа, Шкода и Крезо, и если Гитлер их лишится, он рухнет. “Такое может произойти с нами”. Все эти районы необходимо удерживать. Без них России придется выйти из активных боевых действий и занять фронт обороны, возможно – за Волгой»²⁵. Сталин, как видно, продолжал придерживаться откровенно доверительного тона, рассчитывая “расшевелить” англичан.

События на фронте, между тем, развивались именно по этому наихудшему сценарию. 7 сентября танки Гудериана прорвали фронт в районе Брянска. 8 – 9 сентября немцы возобновили наступление на Ленинград, куда для спасения ситуации был срочно командирован Г.К. Жуков. Еще через несколько дней войска С.М. Будённого были окружены под Киевом, который пал 18 сентября. На южном фланге угроза окружения нависла над Одессой и Крымом. В этой грозовой обстановке Сталин обратился к Черчиллю с еще одним экстренным призывом о помощи – на сей раз он просил прямой военной поддержки на советско-германском фронте.

Сталин – Черчиллю 13 сентября 1941 г.

“Я изложил в своем последнем послании мнение Правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов.

Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25 – 30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества.

Надеюсь, что Английское Правительство получит немало случаев убедиться в том, что Правительство СССР умеет достойным образом оценить помощь своего союзника”²⁶.

²⁵ PRO, PREM 3/403/6.

²⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 22.

Майский вручил это послание Сталина лично Черчиллю 15 сентября. В тот же день он отправил в Москву подробный отчет об этой беседе. “Черчилль, – писал он, – в принципе согласен направить вооруженные силы в СССР для того, чтобы они сражались рука об руку с нашими войсками против общего врага. Он считает это даже делом чести для Англии”. Однако премьер ушел от окончательного ответа, сославшись на необходимость посоветоваться со своими военными. Он акцентировал две основных проблемы – нехватку британских войск и транспорта, необходимых для проведения подобной операции. Затем Черчилль пустился в рассуждения об альтернативных вариантах – английском наступлении в Ливии, возможности вовлечения в войну Турции и совместной англо-советской операции в Норвегии. За всем этим Майский разглядел нежелание премьера пойти навстречу советскому запросу, но все же не оставлял надежды дождаться англичан до хотя бы частичного его удовлетворения. “Из сегодняшних рассуждений Черчилля, – резюмировал он, – для меня, впрочем, несомненно, что говорить сейчас о 25–30 дивизиях не приходится. Но важно чтобы англичане начали подобную операцию на первых порах хотя бы и не с очень крупными силами. Потом они должны будут глубже втянуться” (именно так, по нарастающей, напоминал посол, происходило оказание британской помощи французской армии во время Первой мировой войны). В реакции Черчилля на послание Сталина Майский видел и позитивные нотки. «В послании товарища Сталина, – писал он, – Черчилль особенно подчеркнул фразу “Я не сомневаюсь, что Англия хочет победы Союзу” и так далее. При этом он прибавил: “Я очень рад, что г. Сталин в это, наконец, поверил. Да, повторяю еще раз: мы хотим Вашей победы, ибо это будет и наша победа. Готов сделать для помощи Вам в этот трудный момент все, что смогу, а поймите, что не все я могу сделать”»²⁷.

На деле реальная позиция Черчилля была еще жестче, чем представлялось Майскому. Про себя премьер назвал запрос Сталина “абсурдным” и счел бесполезным “спорить с человеком, оторванным от реальности”²⁸. Однако ссылка Сталина на прецедент Первой мировой войны, видимо, задела Черчилля за живое и он все же вступил в заочный спор со своим корреспондентом на заседании кабинета 19 сентября. Сталинский аргумент несостоятелен, заявил он, поскольку тогда “у России не было оружия, но было много солдат, которые были посланы на помощь нашей и французской армиям. Теперь же все наоборот – у России нет нехватки в людях” и достаточно помочь ей вооружениями²⁹. Ответ Черчилля, согласованный с КНШ и Форин офис, был “явно не по существу” (по словам израильского историка Г. Городецкого)³⁰ – он фактически обходил вопрос об английской помощи на советско-германском фронте, переводя разговор на Турцию и предстоящую московскую конференцию представителей трех держав.

Черчилль – Сталину 19 сентября 1941 г.

“1. Очень благодарен за Ваше послание. Миссия Гарримана прибыла в полном составе и занята работой с утра до вечера с лордом Бивербруком и его сотрудниками. Целью является изучение всего вопроса о ресурсах с тем, чтобы можно было выработать сообща с Вами конкретную программу месячных поставок по всем имеющимся маршрутам и тем самым оказать Вам по возможности помощь в возмещении ущерба, причиненного Вашей военной промышленностью. По идее Президента Рузвельта этот первый план должен охватить период до конца июня, но мы, естественно, будем продолжать оказывать Вам помощь до достижения победы. Я надеюсь, что совещание может открыться в Москве 25-го сего месяца, но это не должно предаваться гласности до тех пор, пока все участники не прибудут благополучно к месту назначения. О маршрутах и средствах передвижения будет сообщено позже.

²⁷ Советско-английские отношения..., с. 119–122.

²⁸ Churchill W. Op. cit., v. III, p. 411.

²⁹ PRO, Cabinet Office (далее – CAB) 120/36.

³⁰ Gorodetsky G. Stafford Cripps’s Mission to Moscow, 1940–1942. Cambridge, 1984, p. 229.

2. Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями. Лорд Бивербрук сможет объяснить весь план снабжения и перевозок: он находится в самых дружественных отношениях с г-ном Гарриманом.

3. Все возможные театры войны, на которых мы бы могли осуществить военное сотрудничество с Вами, были подвергнуты рассмотрению со стороны штабов. Наиболее благоприятные возможности представляются, несомненно, на обоих флангах – на северном и южном. Если бы мы могли действовать с успехом в Норвегии, то это оказало бы сильное влияние на позицию Швеции, но в настоящее время мы не располагаем ни военными силами, ни судовым тоннажем для осуществления этого проекта. Что касается Юга, то значение Турции чрезвычайно велико: если можно заручиться помощью Турции, то в нашем распоряжении окажется добавочная мощная армия. Турция хотела бы присоединиться к нам, но боится, и не без основания. Возможно, что, обещая ей помощь значительными британскими вооруженными силами и поставку технических средств, в которых Турция испытывает недостаток, можно оказать на нее решающее влияние. Мы изучим с Вами любую другую форму действенной поддержки, ибо единственная цель заключается в том, чтобы привести в действие против общего врага максимальные силы»³¹.

18 сентября это послание было отправлено в Москву, а в Лондоне его огласил Майскому Иден. «Прочитав этот ответ, я заявил Идену, что он меня очень разочаровал, – сообщал в Москву о своем первом впечатлении Майский. – По основному вопросу – об отправке в СССР крупных британских сил – в ответе нет ничего, кроме глухого намека на готовность “изучить” с нами “всякую иную форму полезной помощи” (конец пункта 3). Я не сомневаюсь, что подобный ответ произведет неблагоприятное впечатление в Москве. Иден сильно обеспокоился и обещал переговорить по этому поводу с премьером»³². Связавшись с Черчиллем, Иден подчеркнул, что Майский воспринял ответ Черчилля как отказ удовлетворить советскую просьбу. Рассказал Иден и о своей попытке смягчить реакцию посла заверением о готовности англичан рассмотреть другие формы помощи русским на южном фланге. “Обсуждать можно любой план, – отвечал ему на это Черчилль, – но мы не должны поддерживать иллюзию о возможности отправки из Великобритании значительного контингента для военных действий в России”³³. Внимательно изучив ответ Черчилля, Майский на следующий день вновь посетил Идена для подробного разговора по существу, результаты которого изложил в очередной депеше в Москву. Майский убедительно разъяснил министру логику советской позиции: оба последних сталинских послания преследуют одну и ту же цель – “снять с наших плеч эти 30–40 германских дивизий, которые дают немцам перевес и дают им возможность продолжать наступление”. Он напомнил об авансах англичан, пытаясь добиться ясного ответа на вопрос – “что именно думает Черчилль о том конкретном плане, который развил в последнем послании товарища Сталина?”. Припертый к стене, Иден был вынужден признаться: пока он не может официально заявить, что британское правительство сейчас обсуждает это предложение. Козырный довод англичанина о том, что британская военная помощь в любом случае не успеет в СССР до зимы, Майский парировал тем, что “если мы будем твердо уверены в присылке определенного количества британских подкреплений в определенный срок, мы сможем свободнее распоряжаться в настоящий момент своими резервами”. Признав резонантность этого аргумента, Иден заключил разговор словами: “Итак, вопрос сводится к тому, что Вы хотите точно знать, сколько войск и когда мы сможем Вам прислать?”³⁴. Именно так, подтвердил Майский, однако ясного ответа на этот вопрос в Москве так и не дождались.

³¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 23–24.

³² РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 255, л. 97.

³³ PRO, PREM 3/403/6.

³⁴ Советско-английские отношения..., с. 123–126.

Следующее послание Сталину Черчилль передал с лордом У. Бивербруком, отправившимся в Москву для участия в конференции представителей трех держав по вопросам поставок в СССР. Хотя в послании Черчилль расписывал великодушие и даже самопожертвование англичан, его инструкции Бивербруку жестко ограничивали поставки в СССР, которые на первых порах планировалось выделять из английской “доли” американского ленд-лиза и которые не должны были ущемлять стратегические приоритеты самой Великобритании на Среднем Востоке и по защите британских островов. “Все, что мы можем предложить, будет для них каплей в море, хотя и большой жертвой для нас, – говорил премьер на заседании кабинета по этой проблеме 19 сентября, – ...арсенал русской армии станет Америкой, а не мы”. Но даже эта прижимистость Черчилля показала чрезмерной щедростью британскому командованию. Премьеру пришлось убеждать военных в “политической и стратегической важности” помощи России, напоминая об их несбывшихся прогнозах ее быстрого краха под ударами вермахта. Бивербруку предписывалось не разглашать планов развития военного производства союзников и не ангажироваться на конкретные доли этого производства, выделяемые Советскому Союзу, зато давалась полная “свобода действий в поощрении долговременного русского сопротивления за счет разумно-оптимистического взгляда на более отдаленную перспективу” в отношении грядущих поставок³⁵. Понимая мизерность англо-американской помощи Советскому Союзу в самый критический для него период войны, сам Черчилль в послании также сделал упор на перспективу ее расширения в будущем. Своими рассуждениями о Ливии и Турции он фактически подменял вопрос об оказании английской военной помощи СССР. Черчилль лишь походя упоминал о командировании в Москву британской военной делегации во главе с Х. Исмэем для обсуждения военного сотрудничества. На деле британское военное командование было категорически против совместного обсуждения военных планов, опасаясь новых советских требований о реальной военной помощи со стороны англичан³⁶. У. Бивербрук и А. Гарриман также уклонились от такого обсуждения, не желая отвлекаться от вопроса о поставках. Не удивительно, что серьезного разговора со Сталиным и советскими военными у Исмэя так и не получилось. Криппс потом наивно сочтет это “трагической ошибкой”, а сам Черчилль позже посетует на то, что Исмэй упустил случай провести с русскими разъяснительную работу: «Он мог бы объяснить на фактах и цифрах, насколько глупо и физически невозможно было предложение о посылке “25 или 30 дивизий” на русский фронт»³⁷. Послание было вручено Сталину Бивербруком 29 сентября.

Черчилль – Сталину 21 сентября 1941 г.

“Уважаемый Премьер Сталин,

Британская и американская миссии уже выехали, и это письмо будет вручено Вам лордом Бивербруком. Лорд Бивербрук пользуется полнейшим доверием кабинета и является одним из моих самых старых и близких друзей. Он установил самые тесные отношения с г-ном Гарриманом, который является замечательным американцем, преданным всем своим сердцем победе общего дела. Они изложат Вам все, что нам удалось выработать в результате весьма тщательной консультации между Великобританией и Соединенными Штатами.

Президент Рузвельт решил, что наши предложения должны в первую очередь касаться месячных квот материалов, которые мы отправим Вам в течение девяти месяцев в период от октября 1941 года до июня 1942 года включительно. Вы имеете право знать точно, что мы можем поставлять из месяца в месяц, чтобы Вы могли наиболее выгодно распределить Ваши резервы.

Американские предложения ограничены пока концом 1942 года, но я не сомневаюсь, что впоследствии обе страны смогут поставить значительно большее количество,

³⁵ PRO, CAB 69/3.

³⁶ PRO, CAB 79/14 Chiefs of Staff (COS) (41) 314, 8 September 1941.

³⁷ PRO, CAB 66/19/45; *Churchill W. Op. cit.*, p. 465.

и Вы можете быть уверены, что мы приложим все усилия, чтобы компенсировать, насколько возможно, тяжелые потери, которые потерпела Ваша военная промышленность в результате нацистского вторжения. Я не хочу предвосхищать того, что лорд Бивербрук должен будет сказать по этому вопросу.

Вы увидите, что до конца июня 1942 года поставки идут почти полностью за счет британской продукции или продукции, которую Соединенные Штаты предоставят нам в качестве наших собственных закупок или согласно закону о передаче взаймы или в аренду. Соединенные Штаты были исполнены решимости предоставить нам фактически все свои экспортные излишки, и для них нелегко обеспечить в течение этого времени новые эффективные источники снабжения. Я надеюсь, что производство Соединенных Штатов получит дальнейший значительный импульс и что к 1943 году мощная промышленность Америки полностью развернется в соответствии с нуждами войны. Что касается нашего участия, то мы не только значительно увеличим свой вклад из нашей существующей, заранее спланированной продукции, но также попытаемся добиться от нашего народа дальнейших усилий для удовлетворения наших общих потребностей. Вы, однако, согласитесь, что наша армия и ее снабжение, которое было спланировано, составляют, может быть, только одну пятую или одну шестую Вашей или германской армий. Наш первый долг и потребность заключаются в том, чтобы держать моря открытыми, а наш второй долг – достигнуть решительного превосходства в воздухе. Это основные требования, предъявляемые к людским ресурсам, составляющим на Британских островах 44 000 000. Мы никогда не можем надеяться иметь армию или военную промышленность, которые можно было бы сравнить с армией и военной промышленностью великих континентальных военных держав. Тем не менее, мы сделаем все возможное, чтобы помочь Вам.

Генерал Исмэй, который является моим личным представителем в Комитете начальников штабов и полностью осведомлен о всей нашей военной политике, уполномочен изучить с Вашими командующими любые планы практического сотрудничества, о которых может возникнуть мысль.

Если мы сможем очистить от врага наш западный фланг в Ливии, мы будем иметь значительные силы, как воздушные, так и сухопутные, для совместных действий на южном фланге русского фронта.

Мне кажется, что если бы удалось побудить Турцию к сопротивлению германским требованиям о пропуске войск или, еще лучше, если бы она вступила в войну на нашей стороне, то это было бы наиболее быстрой и эффективной помощью нам. Я уверен, что Вы придадите этому должное значение...

Нет сомнения, что нашим народам предстоит длительный период борьбы и страданий, но я питаю большие надежды на то, что Соединенные Штаты вступят в войну в качестве воюющей стороны, и если так, то я уверен, что нам надо будет только проявить выдержку для того, чтобы победить”³⁸.

Московская конференция (29 сентября – 1 октября 1941 г.) явилась заметной вехой в становлении антигитлеровской коалиции. Она привела к подписанию так называемого Первого протокола – первой согласованной программы англо-американских поставок Советскому Союзу на срок до 1 июля 1942 г. Хотя помощь союзников была еще незначительной, сам факт начавшегося объединения ресурсов трех великих держав в борьбе с общим врагом имел огромное стратегическое значение – в войне складывалось новое соотношение сил, во многом предreshавшее ее конечный исход. “Наконец-то против гитлеризма создано объединение таких государств, которые найдут пути и средства, чтобы стереть с лица земли нацистский гнойник”, – сказал на закрытии конференции В.М. Молотов³⁹. Примерно теми же словами заключил и свое послание Сталин (используя заготовку того же Молотова с небольшой стилистической правкой и

³⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 25–26.

³⁹ Правда, 3.X.1941.

добавлением приписки в конце – “С искренним уважением И. Сталин”). В то же время он не упустил случая, чтобы напомнить союзникам о недостаточности их материальной помощи и советских ожиданиях ее расширения. Письмо было вручено Бивербруку для передачи Черчиллю.

Сталин – Черчиллю 3 октября 1941 г.

“Уважаемый Премьер Черчилль,

Приезд в Москву британской и американской миссий и особенно личное возглавление этих миссий лордом Бивербруком и г. Гарриманом имели весьма благоприятное значение. Что касается лорда Бивербрука, то он, действительно, сделал все для того, чтобы рассмотрение, а по возможности и решение уже в Москве самых неотложных вопросов, обсуждавшихся на Московской конференции трех держав, происходило быстро и эффективно. То же самое я должен сказать и о г. Гарримане. За все это я приношу Вам и г. Рузвельту, пославшим в Москву столь авторитетных представителей, искреннюю благодарность Советского Правительства.

Не скрою от Вас, что наши теперешние потребности военного снабжения ввиду ряда неблагоприятных обстоятельств на нашем фронте и вызванной этим эвакуацией новой группы предприятий не исчерпываются согласованными на конференции решениями, не говоря уже о том, что ряд вопросов отложен до окончательного рассмотрения и решения в Лондоне и Вашингтоне, но и сделанная Московской конференцией работа обширна и значительна. Надеюсь, что Британское и Американское Правительства сделают все возможное, чтобы в будущем увеличить месячные квоты, а также чтобы уже теперь при малейшей возможности ускорить намеченные поставки, поскольку предзимние месяцы гитлеровцы постараются использовать для максимального нажима на СССР.

В отношении Турции, как и в отношении Китая, я согласен с высказанными Вами соображениями. Надеюсь, что Британское Правительство в данный момент проявляет необходимую активность в обоих этих направлениях, что особенно важно сейчас, когда соответствующие возможности СССР, естественно, ограничены.

Что же касается перспектив нашего общего дела борьбы против разбойничьего гнезда гитлеровцев, засевших в центре Европы, то я также выражаю уверенность, что, несмотря на все трудности, мы решим дело разгрома Гитлера в интересах наших свободлюбивых народов”⁴⁰.

Британские представители на Московской конференции – Бивербрук и Исмэй в своих отчетах кабинету и Черчиллю об ее итогах подчеркивали, что конференция породила “огромный энтузиазм” и “большое доверие” советской стороны к своим союзникам, которые было бы опасно подорвать⁴¹. Сознвая ответственность момента, Черчилль срочно созвал совещание комитета по поставкам, на котором были разработаны конкретные меры по организации первой партии поставок, намечаемых в Москву. Этот план был утвержден на заседании кабинета 6 октября вместе с текстом телеграммы Сталину, извещавшей о начале поставок⁴².

Черчилль – Сталину 6 октября 1941 г.

«Я был рад узнать от лорда Бивербрука об успехе трехсторонней конференции, состоявшейся в Москве. “Bis dat qui cito dat” (Вдвойне дает тот, кто дает быстро. – В.П.). Мы намерены обеспечить непрерывный цикл конвоев, которые будут отправляться с промежутками в десять дней. Следующие грузы находятся уже в пути и придут в Архангельск 12 октября: 20 тяжелых танков, 193 истребителя (предоктябрьской квоты).

⁴⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 27–28.

⁴¹ Churchill Archive Centre (Churchill College, Cambridge University), Churchill Archive (далее – CHAR), 20/43; PRO, CAB 66/19/11.

⁴² PRO, CAB 65/19.

Следующие грузы отправляются 12 октября и намечены к доставке 29-го: 140 тяжелых танков, 100 самолетов типа “Харрикейн”, 200 транспортеров для пулеметов типа “Брен”, 200 противотанковых ружей с патронами, 50 пушек калибром в 42 мм со снарядами. Следующие грузы отправляются 22-го: 200 истребителей, 120 тяжелых танков. Из этого следует, что вся октябрьская квота самолетов и 280 танков придут в Россию к 6 ноября. Октябрьская квота транспортеров для пулеметов типа “Брен”, противотанковых ружей и пушек калибром в 42 мм для танков придут в октябре. 20 танков были погружены для провоза через Персию и 15 будут немедленно отправлены из Канады через Владивосток.

Таким образом, общее число отправленных танков составит 315, то есть на 19 штук меньше нашей полной квоты. Это количество будет восполнено в ноябре. Вышеупомянутая программа не включает снабжения из Соединенных Штатов.

При организации этого регулярного цикла конвоев мы рассчитываем, что Архангельск будет принимать главную часть поставок. Я предполагаю, что эта часть работы уже производится»⁴³.

В следующем послании Сталину Черчилль сделал очередную попытку подменить отправку британских войск в СССР другими видами помощи, в данном случае – заменить несколько советских дивизий в Иране британскими войсками с тем, чтобы “освободить” первые для прямой борьбы с вермахтом. Несмотря на клятвенные заверения Черчилля о том, что англичане не воспользуются выводом советских войск из Ирана, Сталин, очевидно, не мог пойти на риск ослабления своих позиций в этой стране – он даже не ответил на это предложение Черчилля.

Черчилль – Сталину 12 октября 1941 г.

“Благодарю Вас за Ваше письмо от 3 октября. Я непрерывно следил за ускорением поставок в Архангельск, о которых я сообщил Вам в моей телеграмме от 6 октября. Ваша просьба о 3000 грузовиков будет немедленно удовлетворена из наших армейских запасов, но поставки не должны мешать потоку танков и самолетов. Мы просим г-на Гарримана позаботиться о более крупной программе поставок из Соединенных Штатов, рассчитанной на длительный период.

По вопросу о Персии. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну. Если Вам желательно отозвать имеющиеся там пять или шесть русских дивизий с тем, чтобы использовать их на боевом фронте, мы примем на себя полную ответственность по поддержанию порядка и содержанию в исправности и улучшению путей снабжения. Я обещаю именем Британии, что мы не будем стремиться к каким-либо выгодам для себя за счет каких-либо справедливых русских интересов как во время войны, так и по ее окончании. Во всяком случае, подписание трехстороннего договора срочно необходимо во избежание нарастания внутренних беспорядков, что повлекло бы опасность прекращения движения грузов по путям снабжения. Генерал Уэйвелл будет в Тифлисе 16 октября и обсудит с Вашими генералами любые вопросы, которые Вы, может быть, уполномочите их решить с ним.

Словами не выразить наших чувств по поводу Вашей колоссальной героической борьбы – мы надеемся скоро засвидетельствовать это делами”⁴⁴.

Хотя дело с поставками двинулось вперед, вопрос об отправке британских войск на советско-германский фронт продолжал замалчиваться английской стороной. Сам Сталин не стал снова поднимать этот вопрос в переписке с Черчиллем, чтобы не нарываться на отказ, поручив это своим дипломатам. 16 октября, когда обстановка на советско-гер-

⁴³ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 28.

⁴⁴ Там же, с. 29.

манском фронте стала поистине критической и судьба Москвы висела на волоске, Майский напомнил Идену об отправке в СССР британского контингента. Министр ответил, что в лучшем случае речь может идти о посылке “символического” британского отряда на Кавказ. Майский порекомендовал своему руководству воспользоваться этой идеей, однако Молотов в беседе с Криппсом 22 октября заявил, что “Кавказ не нуждается в защите, так как там нет фронта”. Посол пытался доказать, что впоследствии “возможно, удастся продвинуть их дальше” и важно “связать” британское правительство “наличием английских войск в СССР”, что напоминало логику Майского⁴⁵. Однако попытки англичан послать свои войска туда, где нет немцев, и упорный отказ послать их туда, где они есть, лишь усиливали подозрения в Кремле. Сообщая об этом в Лондон, Криппс подчеркивал, что “в царящей здесь тревожной психологической атмосфере этот вопрос имеет, безусловно, решающее значение для успеха нашего общего сопротивления”. Он ратовал за отправку в СССР хотя бы одной – двух полных британских дивизий, отмечая, что уже одно “объявление об этом в нынешний самый критический момент войны на этом фронте произведёт огромный эффект”⁴⁶. Черчилль в личной телеграмме одернул посла: тоннаж для отправки даже одной–двух дивизий может быть найден только за счет свертывания поставок в СССР, займет не меньше двух – трех месяцев и в любом случае будет лишь “каплей в ведре воды”.

Но Криппс упорствовал. “Даже одна – две капли воды в ведре или в стакане могут дать эффект, когда срочно нужен стимул, – отвечал он в телеграмме премьеру. – Они (русские. – *В.П.*) сейчас одержимы идеей о том, что мы готовы воевать до последней капли русской крови (как это изображает и немецкая пропаганда), и истолковывают все действия таким образом, что мы отдыхаем, пока они сражаются”⁴⁷. Дело, впрочем, было не в одном Криппсе. В кабинете эту позицию активно поддерживал Бивербрук, угрожая премьеру шумной отставкой в случае отказа от его требования; сочувствовал ей и Иден. Общественная кампания в стране за открытие второго фронта достигла небывалого прежде уровня, и даже КНШ начал проработку вопроса о переброске на Кавказ с Ближнего Востока двух британских дивизий. Дабы пресечь дальнейшие разногласия по этому вопросу, Черчилль на заседании кабинета 27 октября сообщил о последних телеграммах Криппса и опять привел все доводы против реализации его рекомендаций. После долгих прений кабинет принял сторону премьера, согласившись лишь изучить вопрос о посылке на советско-германский фронт двух эскадрилий британских ВВС⁴⁸.

На следующий день приободренный Черчилль отвел душу в очередном внушении Криппсу, высказывая ему то, что не решался сказать Сталину. “Они (русские. – *В.П.*) не имеют никакого права нас обвинять. Они сами навлекли на себя свое несчастье, когда своим пактом с Риббентропом дали Гитлеру напасть на Польшу и тем самым начать войну”. СССР, продолжал Черчилль, ничем не помог Англии, когда она в одиночку больше года сражалась с Германией. Англия, между тем, делает все возможное для помощи Москве и “совесть ее абсолютно чиста”. У Сталина хватает своих солдат и ему нужны от союзников современные вооружения. “Мы и дальше будем делать все, что в наших силах, но было бы глупо послать две или три британские или англо-индусские дивизии вглубь России в качестве символической жертвы, чтобы там их окружили и разорвали на клочки”. “Мы, естественно, не можем ждать благодарности от людей, которые проходят через ужасные испытания и так храбро сражаются, – заключал премьер, – но нам и не следует переживать из-за их упреков. Вам нет нужды сыпать соль

⁴⁵ Советско-английские отношения..., с. 156–157.

⁴⁶ PRO, CAB 66/19/45.

⁴⁷ PRO, PREM 3/395/6.

⁴⁸ PRO, CAB 65/23/26. Этот план тоже остался на бумаге, о чем Черчилль позже сожалел как о “самой серьезной ошибке” в вопросе оказания военной помощи СССР в начальный период войны: “они (английские летчики. – *В.П.*) уничтожили бы много германских самолетов, покрыли бы себя славой и подняли бы моральный дух всего фронта” (WSC to COS, 24 October 1941). – CHAR 20/36.

этой правды на русские раны, но я рассчитываю, что Вы сделаете все возможное, чтобы убедить русских в верности, честности и мужестве британской нации”⁴⁹.

Криппсу ставилась невыполнимая задача. “Ваши доводы, – отвечал он Черчиллю 30 октября, – мало помогают мне в ответе на вопрос Молотова (см. мою телеграмму № 14) и еще меньше – в убеждении русских в том, что у нас есть уважительные причины не посылать войска”. Главная беда в том, продолжал он, что “мы относимся к Советскому правительству без доверия и свысока, а не как к верному союзнику. Подобное отношение мы проявляли со времени их революции, и оно вызывает у Советов сильнейшее возмущение”. Для выправления ситуации посол предлагал не только оказание военной помощи, но и начало равноправного диалога с Москвой на высоком уровне по выработке общей стратегии ведения войны против Гитлера⁵⁰.

В этой обстановке и появилось на свет очередное послание Черчилля Сталину, рассмотренное на заседании кабинета 3 ноября. Предлагая послать в Москву видных британских генералов, премьер рассчитывал убить сразу двух зайцев – учесть рекомендации Криппса и других сторонников диалога с Кремлём, и в то же время – использовать этот визит для убеждения советского руководства в невозможности прямой военной помощи со стороны Великобритании. А. Уэйвелл и Б. Пэйджет, сказал премьер на заседании, “смогут объяснить г-ну Сталину, насколько ограничены возможности посылки в Россию британских войск”⁵¹. Этот показной жест доброй воли должен был скрасить плохую для Кремля новость о нежелании Лондона пойти навстречу давнему советскому требованию об объявлении войны союзникам Германии – Финляндии, Румынии и Венгрии. Недовольный молчанием Сталина в ответ на два своих предыдущих послания, Черчилль недвусмысленно давал понять, что на сей раз он ждет быстрого ответа. И он его получил.

Черчилль – Сталину 7 ноября 1941 г.

“Чтобы внести в дела ясность и составить планы на будущее, я готов командировать генерала Уэйвелла, главнокомандующего в Индии, Персии и Ираке, для встречи с Вами в Москве, Куйбышеве, Тифлисе или в любом другом месте, где Вы будете находиться. Кроме этого, генерал Пэйджет, наш новый главнокомандующий, назначенный на Дальний Восток, прибудет вместе с генералом Уэйвеллом. Генерал Пэйджет руководил делами здесь, и он знаком с новейшими и авторитетными взглядами нашего верховного командования. Эти два офицера смогут точно обрисовать Вам наше положение, наши возможности и то, что мы считаем разумным. Они могут прибыть к Вам приблизительно через две недели. Хотите ли Вы встретиться с ними?

Мы сообщали Вам в моем послании от 6 сентября, что мы готовы объявить войну Финляндии. Прошу Вас, однако, обсудить, будет ли действительно целесообразно объявление Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии в настоящий момент. Это было бы лишь формальностью, ибо наша широкая блокада уже действует против них. Мои соображения говорят против этого потому, что, во-первых, у Финляндии много друзей в Соединенных Штатах, и было бы более разумным принять во внимание этот факт. Во-вторых, что касается Румынии и Венгрии, то эти страны полны наших друзей; Гитлер подавил их и воспользовался ими как слепым орудием. Но если счастье обратится против этого головореза, то они легко смогут снова перейти на нашу сторону. Объявление войны Великобританией оттолкнуло бы их и вызвало бы впечатление, как будто Гитлер является главой грандиозного европейского союза, сплоченно противостоящего нам. Прошу не подумать, что мы сомневаемся в пользе этого шага из-за недостатка рвения или товарищеского отношения. Наши доминионы, за исключением Австралии, против этого. Тем не менее, если Вы сочтете, что это было бы действительной помощью для Вас и имело бы смысл, я снова поставлю этот вопрос перед кабинетом.

⁴⁹ PRO, PREM 3/395/6.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ PRO, CAB 65/24/1.

Я надеюсь, что наши поставки вывозятся из Архангельска с такой же быстротой, как они туда поступают. Небольшой грузопоток начинает теперь также идти через Персию. Мы будем перекачивать наши поставки по обоим путям, напрягая до предела все свои усилия. Прошу Вас обеспечить, чтобы наши техники, следующие с танками и самолетами, имели бы полную возможность передать это вооружение Вашим людям при наилучших условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве оторвана от этих дел. Она хочет лишь помочь. Мы отправляем это вооружение с риском для себя, и мы весьма желали бы, чтобы оно использовалось самым лучшим образом. Вероятно, необходимо Ваше распоряжение.

Я не в состоянии сообщить Вам о наших ближайших военных планах более того, что Вы в состоянии сообщить мне о Ваших, но прошу Вас быть уверенным, что мы не будем бездействовать...

Я не стану тратить слов на комплименты, ибо Вы уже знаете от лорда Бивербрука и г-на Гарримана то, что мы думаем о Вашей борьбе. Будьте уверенным в нашей неустанной поддержке.

Я был бы рад получить непосредственно от Вас сообщение о том, что Вы получили эту телеграмму⁵².

С этим посланием Черчилля Иден ознакомил Майского 5 ноября. Тот выразил недоумение позицией кабинета по вопросу объявления войны сателлитам Германии и ссылками Идена на сомнения США и доминионов в этом вопросе. Итак, резюмировал Майский в разговоре с министром, “ради настроений США, которые еще только, может быть, вступят в войну, а может быть, и не вступят (этот вопрос сложный), британское правительство склонно не считаться с настроениями СССР, который уже находится в войне, который несет на себе основное бремя войны и который как будто является союзником Англии. Какой вывод можно отсюда сделать? И не следует ли поведение британского правительства в вопросе объявления войны Финляндии и другим рассматривать как своего рода симптом его общей политики?” В этом свете, продолжал Майский, затея с посылкой Уэйвелла и Пэйджета также выглядит весьма сомнительно: какой смысл в этом визите, если британское правительство до сих пор не определилось в главном вопросе – о посылке английских войск в СССР? Добившись от Идена заверений о том, что у генералов будет полномочия и в этом вопросе, Майский рекомендовал руководству страны все же согласиться на их приезд с тем, чтобы “лучше прощупать истинные намерения англичан” и попробовать дожать их хотя бы до минимального боевого участия на советско-германском фронте, шансы на которое в последнее время возросли. К тому же такое решение, подчеркивал он, лишило бы “бритпра повода в ответ на обвинения в бездействии говорить, что оно мол предлагало Совпра штабные переговоры, но Совпра от них уклонилось” (так в тексте. – *В.П.*). Как истинный дипломат, Майский стремился убедить Москву в целесообразности продолжения диалога с англичанами, подчеркивая, что их колебания связаны не только с “вековой традицией вести войны чужими руками”, но и небезосновательным страхом “перед германской военной машиной”, а также “слепой надеждой, что авось как-нибудь чаша сия минует нас”⁵³.

Однако на сей раз Сталин не прислушался к рекомендации Майского. Упорные проволочки Лондона в вопросе объявления войны союзникам Германии на фоне утечек в английской прессе об отказе правительства страны пойти навстречу этому советскому требованию порождали глубокие сомнения в искренности черчиллевских объяснений. Сочтя, видимо, дальнейшие разговоры с увёртливыми англичанами в том же духе бессмысленными, Сталин решил перевести их в иную, более принципиальную и обязывающую плоскость – создание советско-английского союза и определение целей войны. Впервые он поднял вопрос о союзе еще в беседе с Бивербруком 30 сентября⁵⁴, но тот

⁵² Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 29–31.

⁵³ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2468, л. 250–258.

⁵⁴ Советско-английские отношения..., с. 138.

не довел эту информацию до Черчилля. Впоследствии Иден в беседе с Майским лишь вскользь упомянет о готовности Лондона к обсуждению подобных вопросов⁵⁵. Теперь Сталин решил обратиться к премьеру напрямую, умело используя запев предыдущего послания Черчилля о необходимости “внести ясность” в советско-английские отношения. Обидный упрек премьера в неэффективности приема британских поставок в Архангельске он парирует встречным обвинением англичан в плохой комплектации своих грузов. На машинописной версии этого документа стоит виза Молотова “т. Сталин согласен”, так что, видимо, проект был подготовлен Молотовым согласно указаниям Сталина.

Сталин – Черчиллю 8 ноября 1941 г.

“Ваше послание я получил 7 ноября.

1. Я согласен с Вами, что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое – не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе – не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами.

Если генерал Уэйвелл и генерал Пэйджет, о которых говорится в Вашем послании, приедут в Москву для заключения соглашений по указанным основным вопросам, то, разумеется, я готов с ними встретиться и рассмотреть эти вопросы. Если же миссия названных генералов ограничивается делом информации и рассмотрения второстепенных вопросов, то я не вижу необходимости отрывать генералов от их дел и сам не смогу выделить время для таких бесед.

2. Относительно объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии со стороны Великобритании создалось, мне кажется, нетерпимое положение. Советское Правительство поставило этот вопрос перед Правительством Великобритании в секретном дипломатическом порядке. Неожиданно для СССР весь этот вопрос, начиная от обращения Советского Правительства к Правительству Великобритании вплоть до рассмотрения этого вопроса Правительством США, вынесен в печать и обсуждается в печати, дружественной и вражеской, вкривь и вкось. И после всего этого Правительство Великобритании заявляет о своем отрицательном отношении к нашему предложению. Для чего все это делается? Неужели для того, чтобы продемонстрировать разлад между СССР и Великобританией?

Можете не сомневаться, что нами принимаются все меры к тому, чтобы поступающее из Англии в Архангельск вооружение своевременно доставлялось по месту назначения. То же будет сделано и в отношении Ирана. Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных коробах, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде”⁵⁶.

11 ноября Майский вручил это послание Черчиллю. Ознакомившись с ним, премьер молча вскочил со стула и заходил по комнате. “Он был бледен как мел и тяжело дышал. Видно было, что он взбешён”, – записал в дневнике Майский. Премьера особенно возмутил издевательский отказ Сталина в приеме британских военачальников: “Хм! – с бешенством воскликнул Черчилль. – Я посылаю ему двух своих главкомов, а он, видите

⁵⁵ Документы внешней политики. Т. XXIV. 22 июня 1941 – 1 января 1942. М., 2000, с. 374.

⁵⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 31–32.

ли, не может найти времени для них, если они не уполномочены заключить эти договора”. Несколько охладев, он прибавил: “Я сейчас не хочу ничего отвечать Сталину... Под горячую руку я мог бы наговорить ему много ненужных вещей... Посоветуюсь с нашим народом, успокоюсь, потом напишу”⁵⁷. “Кажется, мы пришли к первому кризису в отношениях между союзниками!” – с тревогой подытожил в дневнике Майский.

В тот же день Черчилль посоветовался “с народом” в лице своего кабинета, ознакомив его с посланием Сталина. “Впоследствии мы хорошо познакомились с резким тоном посланий Маршала Сталина премьер-министру, – вспоминал потом Иден, – но первый подобный пример произвел на кабинет очень тяжелое впечатление”⁵⁸. Началась дискуссия. Бивербрук признал справедливость сталинских претензий по состоянию английских грузов и предложил принять меры по исправлению ситуации с тем, чтобы разрядить обстановку. Иден предположил, что за предложением и суровым тоном Сталина кроется, во-первых, опасение как бы англо-американцы не оттеснили СССР от решения проблем послевоенного устройства, а во-вторых – подозрительность в отношении мотивов британской позиции по сателлитам Германии. “Они (русские. – В.П.) считают, что наше нежелание объявить войну этим странам объясняется нашей симпатией к ним и что мы причастны к огласке этого дела в печати”. Министр предложил объявить войну Финляндии, дабы “покончить с нынешним состоянием наших отношений с Россией”. Черчилль возразил против такого “бесповоротного”, по его словам, решения (не желая, видимо, порывать с финским правительством и особенно – с Маннергеймом, которого безуспешно пытался склонить к прекращению военных действий против СССР)⁵⁹. Кабинет поддержал премьера и по этому пункту, и по затягиванию ответа Сталину⁶⁰.

Сообщая Криппсу об этом решении, Иден писал, что кабинет “был удивлен и расстроен” посланием Кремля и что “важно предпринять все возможное для изменения настроения” Сталина⁶¹. Единственный способ это сделать, отвечал Криппс, – дать “ясный ответ” на оба предложения Сталина – о союзном договоре и послевоенном устройстве. Для этого посол предлагал отправиться в Москву самому Идену вместе с представителями военного командования⁶². На следующий день (12 ноября) Иден пригласил к себе Майского, чтобы выразить ему свое неудовольствие и попытаться выяснить, что кроется за необычно жестким тоном последнего сталинского послания, явно “контрастирующего”, по его словам, с предыдущими. Майский постарался несколько успокоить Идена ссылками на раздражение “Верховного” отсутствием ясного ответа от англичан по главным вопросам, а также на его “огромную нагрузку” в качестве Главнокомандующего в критические для страны дни войны. Несмотря на жесткие формулировки послания, сказал он, сами по себе предложения Сталина являются вполне законными и заслуживают внимательного рассмотрения. Проницательному Идену показалось, что и сам посол “не очень рад” фразеологии послания и старается смягчить его эффект⁶³.

В британском кабинете, между тем, разгорелись дебаты по поводу новых предложений Сталина, подогреваемые энергичными телеграммами Криппса о необходимости прислушаться к ним. “Правительство его Величества до сих пор недооценивало фундаментальной важности вопросов, которые для Сталина являются проверкой нашей искренности в сотрудничестве с ним..., – писал посол, – и чем дольше сохраняется это состояние неопределенности, тем скорее Сталин поверит в то, что мы не готовы честно работать с Россией на его условиях, а хотим лишь одного – чтобы она как можно дольше была немцев”. Криппс также отметил, что его “не удивляет возмущение” Сталина по поводу утечки секретной информации по Финляндии через Би-Би-Си, кото-

⁵⁷ *Майский И.М.* Указ. соч., с. 78–80.

⁵⁸ *The Reckoning*, p. 325.

⁵⁹ *Mannerheim to Churchill*, 4 December 1941. – *Gilbert M.* Op. cit., v. III, p. 1557.

⁶⁰ PRO, CAB 65/24/3.

⁶¹ PRO, CAB 66/19/45.

⁶² PRO, PREM 3/395/6.

⁶³ PRO, PREM 3/395/17.

рую в Москве считают официальным правительственным органом. Подобно Майскому, Криппс призывал не обращать внимания на “откровенность и прямоту” Сталина, “незнакомого с западными манерами и дипломатическими оборотами”⁶⁴. “Плотно выстроенные” (по выражению помощника Идена О. Харви) аргументы Криппса произвели впечатление на руководство Форин офис, где заговорили о возможности принятия “Волжской хартии” – англо-советского документа о целях войны в дополнение к Атлантической хартии⁶⁵. Однако Черчилль был настроен категорически против всякого обсуждения послевоенного устройства. В качестве компромисса кабинет одобрил телеграмму Идена Криппсу, в которой выражалась готовность Лондона к послевоенному сотрудничеству, но подчеркивалась преждевременность его конкретизации на столь ранней стадии войны.

Все эти закулисные маневры не укрылись от чуткого внимания Майского, который со своей стороны пытался изменить настрой самого Сталина и вернуть его переписку с Черчиллем в нормальное русло. Благодаря доверительному контакту с Иденом и Бивербруком он был в курсе обнадеживающих подвижек в настроении кабинета. Оба англичанина внушали ему, что для их закрепления необходимо как-то успокоить обиженного Черчилля. 16 ноября на очередной встрече с Майским Иден посоветовал послу организовать примирительный сигнал от Молотова, который бы позволил Идену “вновь навести мосты”. Майский обещал это сделать и 19 ноября телеграфировал в Москву: “Послание товарища Сталина заставило-таки британское правительство расширяться”. Со ссылкой на “вполне достоверный источник”, он сообщил о принципиальной готовности кабинета послать на советский фронт 3–4 английских дивизии, которые “потянут за собой дальнейшие”, и вступить в переговоры по вопросам целей войны и организации послевоенного мира, ведение которых поручено Идену. Сталин подчеркнул обнадеживающие слова о “достоверном источнике” и 3–4 дивизиях. Делегация посла заключалась слегка замаскированной рекомендацией: «Пока британское правительство решило выждать какого-то “примирительного жеста” с нашей стороны, хотя бы в виде моего сообщения от имени тов. Сталина или тов. Молотова, что, мол, Черчилль неправильно понял или истолковал послание тов. Сталина, что тут произошло “недоразумение” и т.д. После такого “жеста” был бы сделан уже официальный демарш»⁶⁶.

Эта делегация была получена в Москве утром 20 ноября, но еще накануне вечером Сталин сделал тот самый примирительный жест, который советовал ему Майский. По всей видимости, он сам решил сбавить тон, чтобы не доводить дело до разрыва. В 20 часов 15 минут 19 ноября Майскому была отправлена его ориентировка, в точности соответствующая еще не полученной рекомендации посла: “Мое послание Черчиллю имеет исключительно деловой характер и не задевает лично кого-либо из членов английского правительства, тем более не может задевать премьера Черчилля. Я слишком обременен делами фронта, чтобы уделить хоть минуту на личные дела. Мне кажется странным, что поставленные в моем послании важные деловые вопросы о военном соглашении и об организации дела мира после войны подменены вопросами личного порядка. Если кто и в обиде создавшимся положением, то это моя родина, так как поставленный нашим правительством в секретном дипломатическом порядке вопрос о Финляндии был вынесен в печать и было опубликовано, что Англия отклонила предложение СССР об объявлении состояния войны с Финляндией. Разве трудно понять, что это поставило мою родину в положение страны обескураженной и униженной. И все же, несмотря на это, у меня нет претензий на этот счет и я добиваюсь лишь одного – соглашения насчет взаимной помощи в Европе против Гитлера и договора об устройстве дела мира после войны. Таков мой ответ на пожелания Идена и Бивербрука”⁶⁷.

⁶⁴ PRO, PREM 3/395/6.

⁶⁵ The War Diaries of Oliver Harvey. London, 1978, p. 59, 63.

⁶⁶ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2486, л. 298–296.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 255, л. 144–145.

Черновой версии этого документа в архиве Сталина не обнаружено, но в нем явно ощущается рука самого Сталина. Оскорбленное национальное самолюбие в сочетании с готовностью забыть обиду за свою родину ради общего дела – для “человека из стали”, “непривычного к дипломатическим оборотам”, это сообщение было “оливковой ветвью”, как назвал его Харви⁶⁸. Так его воспринял и Черчилль, которому Иден 20 ноября сообщил о полученном от Майского “извинении Сталина”⁶⁹. Премьера смягчил и первоначальный успех долгожданного наступления британских войск в Ливии. “Официальный демарш” Лондона, как и предсказывал Майский, не заставил себя долго ждать. 21 ноября из Лондона была отправлена примирительная телеграмма, подготовленная Черчиллем, К. Эттли и Бивербруком, первоначальный вариант которой был составлен под руководством Идена⁷⁰. Согласие пойти на переговоры (в том числе – и по послевоенному сотрудничеству) подкреплялось предложением послать в Москву Идена, готовность обсуждать отправку британских войск на советско-германский фронт оговаривалась выбором между войсками и поставками, а объявление войны Финляндии – новой просьбой об этом советской стороны. И все же это был явный шаг навстречу предложениям Сталина.

Черчилль – Сталину 22 ноября 1941 г.

“Весьма благодарен Вам за Ваше только что полученное послание. В самом начале войны я вступил с Президентом Рузвельтом в личную переписку, которая привела к установлению между нами весьма основательного взаимопонимания и часто помогала решать дела быстро. Моим единственным желанием является сотрудничество с Вами на таких же условиях дружбы и доверия.

О Финляндии: я был вполне готов посоветовать кабинету обсудить вопрос об объявлении войны Финляндии, когда посылал Вам телеграмму от 5 сентября. В результате полученных позже сведений у меня сложилось мнение, что можно оказать большую помощь России и общему делу, если можно будет добиться от финнов прекращения военных действий и остановить их на месте или отправить по домам, чем если бы мы посадили их на скамью подсудимых вместе с виновниками – державами оси путем формального объявления войны и заставили бы их сражаться до конца. Однако если они не прекратят войну в течение ближайших пятнадцати дней и Вы все еще будете желать объявления нами войны, то мы непременно сделаем это. Я согласен с Вами, что разглашение этого вопроса было совершенно неправильным. Мы отнюдь не были виновны в этом.

Если наше наступление в Ливии приведет, как мы надеемся, к уничтожению германских и итальянских армий там, то окажется возможным произвести широкое рассмотрение проблем войны в целом с большей свободой, нежели это удавалось Правительству Его Величества до сего времени.

С этой целью мы готовы командировать в ближайшем будущем Министра Иностранных Дел Идена, с которым Вы знакомы. Он направится через Средиземное море для встречи с Вами в Москве или в другом месте. Его будут сопровождать высокопоставленные военные и другие эксперты, и он сможет обсудить любой вопрос, касающийся войны, включая посылку войск не только на Кавказ, но и на линию фронта Ваших армий на Юге. Ни наши судебные ресурсы, ни наши коммуникации не позволят ввести в действие значительные силы, и даже при этом Вам придется выбирать между войсками и поставками через Персию.

Я вижу, что Вы желаете также обсудить послевоенную организацию мира. Наше намерение состоит в том, чтобы вести войну в союзе и в постоянной консультации с Вами при максимальном напряжении наших сил и сколько бы она ни продлилась. Когда война будет выиграна, в чем я уверен, мы ожидаем, что Советская Россия, Великобри-

⁶⁸ The War Diaries of Oliver Harvey, p. 65.

⁶⁹ См.: Churchlll W. Op. cit., p. 470 – 471.

⁷⁰ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 413; The Reckoning, p. 327.

тания и США встретятся за столом конференции победы как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм. Естественно, первая задача будет состоять в том, чтобы помешать Германии и в особенности Пруссии напасть на нас в третий раз. Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов. Министр Иностранных Дел сможет обсудить с Вами все эти вопросы.

Вполне возможно, что оборона Москвы и Ленинграда, так же как и блестящее сопротивление, оказываемое захватчику на всем русском фронте, нанесет смертельные раны внутренней структуре нацистского режима. Но мы не должны рассчитывать на такой очень счастливый исход, а должны просто продолжать наносить им удары изо всех сил⁷¹.

Судя по всему, Сталина порадовало это послание Черчилля. Подтвердилась правильность избранной им тактики, с помощью которой ему, наконец, удалось “расшевелить” англичан и навязать им свою повестку дня. Предстоящий приезд Идена давал надежду на серьезные переговоры о союзе, послевоенном мире исылке британских войск на советско-германский фронт. Предложение Черчилля обсудить с Иденом этот последний пункт подтверждало информацию Майского, и Сталин тут же воспользовался им для того, чтобы поставить вопрос о достижении конкретного соглашения на сей счет. Импонировали ему и новые нотки в позиции премьера – признание роли СССР в послевоенном урегулировании, несмотря на различия в общественно-политическом строе внутри “Большой тройки”, предотвращение новой агрессии со стороны Германии как главная задача этого урегулирования. Несколько улучшилась и ситуация под Москвой, где немецкое наступление стало выдыхаться. Отсюда – быстрый и благожелательный ответ.

Сталин – Черчиллю 23 ноября 1941 г.
“Благодарю Вас за послание.

Выраженное в Вашем послании желание сотрудничать со мной путем личной переписки на основе дружества и доверия я искренне приветствую и надеюсь, что это будет во многом содействовать успеху нашего общего дела.

Что касается Финляндии, то СССР, по крайней мере, на первое время, ничего другого и не предлагал, как прекращение военных действий и фактический выход Финляндии из войны. Если же Финляндия не сделает и этого в указанный Вами короткий срок, то я считаю объявление Великобританией состояния войны с Финляндией целесообразным и необходимым. В противном случае может создаться впечатление, что в вопросе о войне против Гитлера и его наиболее рьяных соучастников у нас нет единства и соучастники агрессии Гитлера могут безнаказанно творить свое гнусное дело. Насчет Венгрии и Румынии, по-видимому, можно подождать.

Ваше предложение направить в ближайшее время в СССР Министра Иностранных Дел г. Идена я всемерно поддерживаю. Обсуждение вместе с ним и принятие соглашения о совместных действиях советских и английских войск на нашем фронте и осуществление этого дела в срочном порядке имели бы большое положительное значение. Совершенно правильно, что обсуждение и принятие плана послевоенной организации мира должно исходить из того, чтобы помешать Германии, и прежде всего Пруссии, снова нарушить мир и ввергнуть снова народы в кровавую бойню.

Я согласен с Вами также в том, что различие в характере государственного строя СССР, с одной стороны, и Великобритании и США, с другой стороны, не должно и не может мешать нам в благоприятном решении коренных вопросов об обеспечении нашей взаимной безопасности и законных интересов. Я надеюсь, что, если есть в этой области какие-либо недомолвки и сомнения, они будут рассеяны в результате переговоров с г. Иденом.

⁷¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 32–33.

Прошу принять мое поздравление по случаю успешно начавшегося наступления великобританских войск в Ливии.

Борьба советских войск с войсками Гитлера продолжает оставаться весьма напряженной. Но, несмотря на все трудности, сопротивление наших войск растет и будет расти. Наша воля к победе над врагом непоколебима”⁷².

Послание Сталина было встречено на Уайтхолле с удовлетворением, но один его пункт вызвал озабоченность кабинета – намерение Кремля достичь скорого соглашения о посылке в СССР британских войск. Напомнив коллегам о планах отправки трех дивизий на Дон, Черчилль отметил, что в связи с развертыванием операции в Ливии и взятием Ростова Красной армией обстановка изменилась и теперь их нужно пересмотреть. Да и вообще, добавил премьер, он всего считал, что посылать английских солдат в Россию – “это все равно, что везти уголь в Ньюкасл” (шахтерский район Англии. – *В.П.*). Его поддержали военные – генерал А. Брук и адмирал Д. Паунд, назвавший бои в Ливии “вторым фронтом” в помощь русским. Э. Синклер задался вопросом – “зачем нам рисковать своей страной, если дела (у русских. – *В.П.*) пошли неплохо и уже нет речи об их выходе из войны?” Но коль скоро вопрос об этом уже поставлен в переписке и “Сталин рассчитывает на такое сотрудничество”, то задача, по мнению членов кабинета, свелась к тому, “как лучше выбраться из ситуации, в которой мы очутились”. Иден предложил прямо сказать Сталину правду еще до своего приезда в Москву, чтобы не обнадеживать его понапрасну (видимо, он не хотел взваливать это неприятное объяснение на себя). Но вместо этого кабинет по предложению Черчилля ограничился одобрением общей линии аргументации в этом вопросе на будущее, дабы не отравлять наметившееся улучшение атмосферы в отношениях с СССР⁷³.

Его новым подтверждением стало первое поздравление Черчилля с днем рождения, собственноручно написанное Сталиным 30 ноября. Необычный для отношений с “буржуазными лидерами”, этот жест должен был подчеркнуть дружественный характер новых союзнических связей.

Сталин – Черчиллю 30 ноября 1941 г.

“Сердечно поздравляю Вас с днем рождения. От души желаю Вам сил и здоровья, столь необходимых для победы над врагом человечества – гитлеризмом. Шлю Вам наилучшие пожелания”⁷⁴.

3 декабря Иден передал Майскому ответное приветствие Черчилля и попросил разрешения Советского правительства опубликовать оба послания в печати обеих стран – идея, наверняка, исходившая от самого премьера⁷⁵. 6 декабря они были опубликованы в “Правде”.

Черчилль – Сталину 5 декабря 1941 г.

“Искренне благодарю Вас за Ваше в высшей степени любезное и дружеское поздравление по случаю моего дня рождения. Позвольте мне воспользоваться случаем и сказать Вам, с каким восхищением весь британский народ следит за стойкой обороной Ленинграда и Москвы храбрыми русскими армиями и как все мы рады по поводу Вашей блестящей победы в Ростове-на-Дону”.

6 декабря 1941 г. Великобритания объявила войну Финляндии, Румынии и Венгрии. А накануне началось контрнаступление советских войск под Москвой. Создалась благоприятная обстановка для декабрьского визита Идена, который станет важной вехой в становлении советско-английского союза. Первый кризис в отношениях между двумя странами и их лидерами был преодолен, но впереди их будет еще немало.

⁷² Там же, с. 33–34.

⁷³ PRO, PREM 3/395/3.

⁷⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР..., т. 1, с. 34.

⁷⁵ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 352, д. 2406, л. 238.